

© А.В. РЯБКОВА

ariabkova@mail.ru

УДК 811.161.1

РУССКО-НЕМЕЦКАЯ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОСТЬ В ПРАГМАТИКО-КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ ФРЕЙМОВ «РАДОСТЬ-ПЕЧАЛЬ»

АННОТАЦИЯ. Национальное самосознание привлекает интерес исследователей, разрабатываются приемы, подходы описания языковой ментальности.

Данная статья посвящена лингвистическому и культурологическому исследованию лексико-семантического пространства **радость-печаль** в зеркале прагматики когнитивного фрейма, так как особенности в языковом национальном сознании оппозиции указанных лексем не исследовались, и семантические лексемы в свете когнитивных фреймов не рассматривались.

Применение в работе таких методов как описательный, компонентный, сравнительно-сопоставительный, а особенно метод фреймирования позволили концептуальным лексемам, структурированным во фреймы, проникнуть в сферу мыслительной деятельности определенного лингво-культурного социума и провести сопоставительное исследование, благодаря которому обнаруживается универсальное и национальное на уровне языков русского и немецкого в лексико-семантическом пространстве **радость-печаль** и на уровне ментальности обоих социумов в пространстве фреймов **радость-печаль**.

Предпринятое исследование продемонстрировало целесообразность разработанного в когнитивистике понятия «фрейм» для представления структуры ментальности. В результате метода фреймирования при интерпретации фреймов **радость-печаль** была отмечена специфичность ментальности и понимание когнитивных процессов конкретных этносов.

Русской ментальности, русскому открытому, доброжелательному характеру, а в связи с этим объемным, богатым, образным русским языком противопоставлены выразительные черты немецкого менталитета — экономия, рациональность, прагматизм. Эта национальная ментальная черта немцев проявляется и в языке. Явление сжатости касается и морфологии, и синтаксиса немецкого языка, а четкая последовательность и порядок распространяются на грамматические категории. Наличие сложных слов в языке свидетельствует также об особенностях немецкого менталитета, как концентрации объемного фрагмента мысли в одной единице.

Ментальная специфика русского языка достаточно очевидна в сравнении с немецкой языковой ментальностью, корни которой уходят в несхожесть национального самосознания названных этносов.

Практическое применение данная работа может найти при переводах художественных текстов, в теоретических курсах по культурологии и лингвистике.

SUMMARY. The national consciousness attracts interest of investigators; techniques and approaches to the language mentality description are developed.

The present article focuses on linguistic and culturological study of lexical-semantic space joy-grief as mirrored by the cognitive frame pragmatics, because the particularities

of the opposition of the specified lexemes have not been examined in the national language consciousness, and semantic lexemes in terms of cognitive frames have not been considered.

Application in this paper of such methods as descriptive, component, comparative and framing methods allowed conceptual lexemes, structured in frames, to penetrate to the sphere of thought of a specific linguistic and cultural social medium and to carry out a comparative study, due to which the universal and national reveals at the level of the Russian and German languages in lexical-semantic space joy-grief and at the level of mentality of both social media in the frame space joy-grief.

The undertaken study has demonstrated practicability of the notion "frame" developed in cognitive science for representing mental structure. As a result of the framing method when interpreting frames joy-grief mental specificity and understanding of cognitive processes of certain ethnic groups was distinguished.

Expressive characteristics of German mentality, namely, economy, rationality, pragmatism are opposed to Russian mentality; to Russian open-mind, well-wishing character and accordingly, to the great, figurative Russian language. The national mental trait of German people becomes apparent in the language as well. The phenomenon of conciseness relates to both morphology and syntax of the German language, whereas accurate succession and order covers grammatical categories. The presence of compound words in the language also testifies to German mentality peculiarities as concentration of a considerable idea fragment in one unit.

Mental specificity of the Russian language is evident enough if compared with the German language mentality, the roots of which stretch into unlikeness of national consciousness of the mentioned above ethnic groups.

The present paper may find practical use when translating literary texts, in theoretical courses on cultural studies and linguistics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лингвоментальность, когнитивные фреймы, самосознание, специфика и универсальность языка, сопоставление, культурология.

KEY WORDS. Linguistic mentality, cognitive frames, self-consciousness, specificity and universality of the language, comparison, culturology.

Окружающий мир, как известно, отражается в сознании человека, в том числе с помощью языка. Но мозг человека фиксирует не весь мир в целом, а его части, фрагменты, иначе говоря, — фреймы, то есть те составляющие мира, которые кажутся ему наиболее релевантными.

Языковое самосознание нами рассматривается как языковое мышление, так как осознание мира, его осмысливание, интерпретация, которые осуществляются посредством языка и существуют в форме языка. Соотношение между частями мира и его языковым представлением можно определить как языковую ментальность, под которой понимают не только окружающий человека мир, но и мир, им создаваемый. Языковой мир воспринимается как понятие единое и глобальное, которое в то же время носит «континуумный характер», поскольку делится на части. Деление мира с помощью языка осуществляется «путем наложения на мир концептуальной сетки (выделения концептов) и ситуативной сетки (выделения ситуаций)» [1; 112]. Информационное языковое представление человека о мире неполно, так как его языковое мышление отражает уровень знаний как индивида и как представителя некоего социума.

«История формирования менталитета в нашем понимании синонимична истории становления общенационального языка; в смысле, что понятийная система этноса неотделима от понятийной системы языка, на котором этот

этнос общается. Это касается как синхронного уровня языка и сознания, так и диахронического, поскольку понятийная система языка отражает менталитет народа, сканы прошлого состояния языка, его история является сканом определенного этапа развития менталитета [2; 55].

Каждая исторически сложившаяся нация поднимается до осознания своих общенациональных интересов, особенностей, традиций и своей культуры. Культура — это своеобразная историческая память. И «язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [3; 217]. При сравнении языковых ментальностей можно выявить их некоторые универсальные индивидуальные свойства. Различия могут сводиться к тому, какие участки мира и как концептуализируются, к примеру, различие в объеме, в концептуальном наборе, концептуальных переменных и степени конкретности.

Andererseits war Erika Grünlich nun 20-jährig: ein großes erblühtes Mädchen, frischfarbig und hübsch vor Gesundheit und Kraft [4; 481]. С другой стороны, Эрике Грюнлих исполнилось уже 20, рослая, цветущая девушка, кровь с молоком [пер. авт.]. Немецкие лексемы и словосочетания, описывающие внешний облик молодой девушки создают позитивно-радостный образ, *frischfarbig* (свежий цвет лица), *hübsch von Gesundheit und Kraft* (красива здоровьем и силой) можно передать на русский язык выражением *кровь с молоком*, лаконично, образно и ярко. Оно концентрирует в себе весь смысл употребленных немецких лексем, а по объему меньше. В этом обнаруживается разница в лексемном наборе, в объеме реализованного фрейма, а концепт *внешность девушки* остается одним и тем же в структурировании фрейма в русском и немецком языках. Но это явление не типично для русского языка, скорее наоборот, русские предложения в переводе с немецкого объемнее.

Die Konsulin dagegen, ermattet von Trauerformalitäten und den Begräbnisfeierlichkeiten, sah leidend aus [4; 250]. Консультша же, напротив, измотанная утратой, душевной болью, бесконечными траурными формальностями, погребальными церемониями, выглядела совершенно измученной [пер. авт.]. Если сравнить в качестве примера предложения в русском и немецком вариантах, можно обнаружить лишь сходство выделения эмоционального концепта *печаль* и различие в его концептуальном наборе и в вербальном оформлении. Для передачи более точного смысла русский вариант использует когнитивные признаки, представленные лексемами, что экстендирует концептуальный набор и делает предложение объемнее. Это типично для русского языка. В немецком языке иногда прослеживается достаточность семного потенциала лексем и реализация когнитивных признаков за счет словообразовательных процессов.

Попытаемся установить сходство и различие формирования русской и немецкой ментальностей, степень ее влияния на языковую сферу. При всей самобытности русского восприятия жизни и отношения к ней, нельзя игнорировать факт, что общественная и государственная жизнь на территории, которую занимали русские, формировалась на стыке Европы и Азии, находясь параллельно под влиянием европейской культуры, включая германскую.

Кроме того, климат и географические факторы воздействовали на сознание россиян: «огромная территория, отличающаяся от Европы, разделяла этнос, воз-

никал коммуникативный барьер, человек терялся, а множество народов и языков усугубляло островной эффект сознания, но формировало такие черты, как гостеприимство, радушие, вольнолюбие» [5; 53].

Германия, имеющая горно-равнинные ландшафты, сообщение по рекам, крупные центры, воспитывала ощущение связности, немцы чувствовали себя хозяевами ситуации в своей стране, а общение с другими народами и культурами сформировало многообразный взгляд на мир.

Огромно также влияние христианства на формирование российского менталитета. Особым фактором является повышенная страдательность православного мировоззрения, особая роль доброты, понимаемой как всепрощение, которое в отличие от сходного понятия западных христианских традиций нельзя купить за деньги, а только вымолить.

Образ Германии в российской ментальности ассоциировался с храмом учености и немецким педантизмом, дисциплинированностью, законопослушностью, рациональностью. «Образ России в германской ментальности связан с вольнолюбием, доброжелательностью, открытостью и необъятными просторами». С точки зрения ментальности немца можно охарактеризовать: *одаренный интеллектуально*, в связи с этим *заносчивый, высокомерный*, а русский человек *человечнее* западного. «Душевная природа в России более активна: в России заложены большие человеческие богатства, больше возможностей», чем в размеренной Европе [6; 101]. Несомненно также различие социальных основ личности. «Русские воспринимают государство, как неповоротливую, неэффективную в отношении человека машину, от которой нельзя добиться того, что она должна. Немцы считают государство детищем собственного разума, продуктом человеческого договора. Со дня своего рождения они впитали идею, что государство — это механизм, сооруженный людьми, который они готовы совершенствовать и преобразовывать» [2; 40].

Очевидна также разница между местом, которое хотели бы занять, и ролью, которую бы хотели играть русский и немец в общественной жизни своей страны. Поэтому, на наш взгляд, существует в отдельных вопросах принципиальная несводимость русской и германской культур: «в русской рассудочности, выведенной из немецкого рационализма». Для немца привыкшего к подчинению законам и нормам, это непонятно. У немца «индивидуализм означает замкнутость, сосредоточенность, исключительность». Разум немца — в его рациональности, разум русского — в его рассудочности. Воля немца ищет мировых пространств, воля русского выражается в некоторой склонности к «произвольному бунту» [7; 192].

Своеобразие языка заключается в народном «духе», воплощенном в самобытной национальной форме языка, это подчеркивал В. Гумбольдт. Он называл язык «душой во всей ее совокупности» и в связи с этим считал, что он развивается по законам духа, что означает в каждом языке заложено свое мировоззрение. «Так как восприятие и деятельность человека зависят от представлений, — писал Гумбольдт, — то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем самым актом, посредством которого он создает язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, из пределов которого он может выйти только в том случае, если вступает в другой круг» [8; 81].

Итак, человек живет в мире, является его частичкой, и отражает его в своем сознании в виде фреймов, опираясь на опыт, имеющиеся знания, интерпретирует этот мир и совершенствует. В зависимости от того, где и как это происходит, выкристаллизовывается некая особенность, связанная с традицией, культурой народа, то, что называют ментальностью или спецификой, которая откладывает отпечаток на все сферы деятельности человека и на язык.

«Семантическое поле любого естественного языка характеризуется определенной таксономической глубиной, отражающей дифференцирующую особенность языка», — отмечает С.Г. Шафиков [9; 17]. Языки различаются способностью выделить в одном и том же смысле другие, более специальные смыслы. Таксономическая глубина исчисляется количеством дифференциальных сем. Например: лексема *тоска* имплицитно включает несколько дифференциальных сем: *душевное страдание, скука, душевная тяга*; лексема *скорбь* располагает одной семой *печальное состояние по поводу утраты*. Немецкая лексема *die Kummernis* имплицитно включает несколько дифференциальных сем: *забота, печаль, горе*. При сравнении таксономической глубины русского и немецкого языков очевидно некоторое различие. Отдельные лексемы того и другого языков имеют разное количество дифференциальных сем. Это значит, что таксономическая глубина неодинакова. Например, лексема *die Kummernis* и русская лексема *тоска* обладают несколькими дифференциальными семами, и в то же время русская лексема *скорбь* несет в себе смысл, связанный с одной семой *утрата*.

Языки различаются также числом общих смыслов, объединяющих одни и те же общие для них смежные смыслы. В этом случае говорят о «таксономической широте», которая предполагает количество дополнительных интегральных сем в языках. Интегральные семы актуализируются при нейтрализации дифференциальных сем. Интеграция компонентов дифференциальных сем создает более общий смысл, объединяющий смежные элементы [9; 17]. Такое явление встречается в русском и в немецком языках, но не типично ни для того, ни для другого.

Следующий пример подтверждает это явление. *...und je seit dieser Zeit der ewige Kummer begleitet ihn* [4;378]; *...и уже с этого времени вечный недостаток во всем сопровождала его* [пер. авт.]. В этом примере нивелируется денотативное значение лексемы *Kummer*. Его значение: *горе, печаль, скорбь* концентрируется в семе *забота о недостатке средств в связи с банкротством* и сдвигается в другую семантическую плоскость.

Исходя из анализа исследуемого материала, мы считаем, что семантическое поле русского и немецкого языков характеризуется наличием семем различного типа релевантности: наиболее релевантные семемы означиваются простыми знаками, менее релевантные производными. Например, *любезность* происходит от слова *любо* — *любовь (чувство-состояние)*, что является релевантной семой в лексеме *любезность*, но денотатом данной лексемы является свойство человека, его обходительность, дружелюбие.

Немецкая лексема *Liebenswürdigkeit* состоит из двух корней *Liebe* и *Würde* и дает такое же денотативное значение: *любезность* — свойство человека. Расхождения в определении семемной релевантности в русском и немецком языках не наблюдается, различие есть лишь в деривационных структурах лексем. Не-

мецкая лексема состоит из двух равнозначных лексем (*die Liebe + die Würdigkeit*), русская лексема образована по типу корень + суффикс.

В данном примере очевидна черта немецкого менталитета в языке — *экономия*, причем в немецком языке — это норма, так как он фузионен, т.е. в нем широко распространено явление синкретизма, которое касается также и частей речи и грамматических категорий.

Различие русского и немецкого языков очевидно при выявлении смыслов, наполняющих лексему и означиваемых одним и тем же знаком. Означивание смысла осложняется его дублированием в означивании другого смысла, такое «дублирование, или внутрислоевая полисемия, имеет место в русском и в немецком языках, то есть в отличие от межслоевой полисемии, захватывающей разные семантические поля, не создает новых смыслов вне интегральной семы данного поля и входит в его структуру» [9; 20]. Например, *праздник* — *внутреннее радостное состояние, событие; Finsternis* — *темнота, печальное внутреннее состояние*.

Структурно-семантический анализ подводит нас к анализу национально-культурных особенностей носителей двух языков — русского и немецкого — в пространстве восприятия радостно-печального, в концептуализации мира вообще и эмоциональной сферы, в частности. Как уже отмечалось, сознание связано с отражением и познанием, которые формируются на ментальной основе и проявляются в языке, поскольку результаты отражения, мышления и эмоциональных переживаний фиксируются вербально. Человеческое сознание создает на основе предыдущего социального, ментального опыта обобщенные структуры разные по типу, объему, уровню абстракции. Поэтому акцентируется то, что человек имеет какие-то когнитивные схемы, которые подготавливают его к принятию определенных единиц информации — фреймов. Способностью формировать фреймы обладают все, но их наполнение зависит от субъекта и той ментальной, этнической среды, в которой живет человек. Акцентируя исследование русской и немецкой ментальности, базирующейся на истории, культуре, национальных традициях, можно сказать, что русские общительны, более сочувствующие, открыты, добры, поэтому диапазон экстенсивных чувств широк, и структурированный эмоциональный концепт **радость-печаль** не имеет практически пределов.

Немцы, как отмечалось, расчетливы, экономны, сдержанны, несколько консервативны, это очевидно при восприятии и отражении окружающей действительности. Именно этноспецифичность русского и немца объясняют употребление 62 раза лексемы **радость** и 49 раз лексемы **Freude** в исследуемом текстовом материале. Семантема **радость** имеет 45 вариантов, семантема **Freude** — 28; семантема **печаль** имеет 37, семантема **Trauer** — 32. Это свидетельствует о разнообразии и широте эмоционального восприятия русских, об обширности лексико-семантического поля и большой степени вариативности дифференциальных сем и в связи с этим вариативности в продуцировании семантических фреймов.

За каждым типичным социальным контекстом закреплён набор возможных фреймов, которые, в свою очередь, задают множество позиций, функций, свойств и отношений для коммуникантов в социуме, продуцирование фреймов не уменьшает возможностей ни в русском, ни в немецком языках, но вариативность

вербального структурирования фреймов в русском языке шире, так как шире, на наш взгляд, лексико-семантический план.

Резкой этноспецифичности в когнитивном процессе не обнаруживается, но он не универсален, так как семантико-структурный выбор определяется национальной сущностью. Там, где русский бурно восторгается, немец проявит холодную сдержанность; там, где русский страдает, немец подключает свой прагматизм; там, где русский рискует, немец обращается к закону.

Но общее в познании и осознании эмоционального концепта у русских и немцев в пространстве **радость-печаль** адекватно. Радостному немец и русский по-своему радуются, печальному — печалются. Об этом говорил Гумбольдт: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов..., а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий» [8; 165].

Эта же мысль оригинально постулируется Л. Чейфом: «Язык дает возможность говорящему брать понятия, находящиеся в его собственном сознании и вызывать эти понятия в сознании слушателя. Звуки не порождают новых понятийных единиц в сознании последнего. Они активизируют уже имеющиеся там понятия, которые являются общими для говорящего и слушающего» [10; 93].

Концептуализация эмоции в пространстве **радость-печаль** служит основанием для сравнения ментальностей двух языков, двух лингвокультурных общностей, двух отдаленно родственных народов.

Использование методики структурно-семантического и когнитивного моделирования применительно к лексическому материалу русского и немецкого языков позволило иначе взглянуть на традиционное представление об объекте лингвистического и культурологического анализа, которым становится коммуникативная компетенция носителя языка, включающая как лингвистическую, так и когнитивную составляющую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Почепцов Г.Г. (мл.). Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110-122.
2. Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996. 290 с.
4. Mann, Th. Buddenbrooks. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989. 609 p.
5. Ruge, G. Sibirisches Tagebuch. Berlin: Berlin Verlag, 1998. 288 p.
6. Немцы о русских. М.: Столица, 1995. 192 с.
7. Helm, G. Deutschland — Russland. Hamburg: Rasch und Röhring Verlag, 1990. 650 p.
8. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
9. Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1998. 251 с.
10. Чейф Л. Значение и структура языка. М., 1975.

REFERENCES

1. Pocheptsov, G.G. /ml. Language mentality: the way to represent the world. *Voprosy jazykoznanija — Issues on linguistics*. 1990. № 6 . Pp. 110-122. (in Russian).

2. Golovanivskaja, M.K. *Mental'nost' v zerkale jazyka. Nekotorye bazovye koncepty v predstavlenii francuzov i russkih* [Mentality in the mirror of the language. The vision of certain basic concepts the way the French and the Russians see them]. Moscow, 2009. 376 p. (in Russian).
3. Telija, V.N. *Russkaja frazeologija* [Russian Phraseology]. Moscow, 290 p. (in Russian).
4. Mann, Th. Buddenbrooks. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989. 609 p.
5. Ruge, G. *Sibirisches Tagebuch*. Berlin: Berlin Verlag, 1998. 288 p.
6. *Nemcy o russkih* [Germans about Russians]. Moscow, 1995. 192 p. (in Russian).
7. Helm, G. *Deutschland — Russland*. Hamburg: Rasch und Röhring Verlag, 1990. 650 p.
8. Humboldt, W. On the Diversity of Human Language Construction and Its Influence on the Mental Development of the Human Species // W. Humboldt. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works on Linguistics]. Moscow, 1984. (in Russian).
9. Shafikov, S.G. *Jazykovye universalii i problemy leksicheskoj semantiki* [Linguistic Universals and Lexical Semantics Issues]. Ufa, 1998. 251 p. (in Russian).
10. Chafe, W.L. *Znachenie i struktura jazyka* [Meaning and the Structure of Language]. Moscow, 1975. (in Russian).